

Александр Зеленский
Тайное оружие фюрера

«ВЕЧЕ»

Зеленский А. Г.

Тайное оружие фюрера / А. Г. Зеленский — «ВЕЧЕ»,

<p id="_OLE_LINK10">Люди сами выбирают свои судьбы, хотя зачастую и не знают, к чему их выбор приведет. Бывший сотрудник ГРУ Владимир Рыбин счел своим долгом расследовать обстоятельства гибели близкого друга, но наткнулся на тайны особо секретного оружия Гитлера.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

15

Александр Зеленский Тайное оружие фюрера¹

Адрес этого пивного ресторанчика, находившегося в Мюнхене, был указан в списке Сергея одним из первых. Потому-то Владимир Рыбин и решил начать прояснять причины гибели друга именно отсюда.

– Пиво, сосиски с капустой? – дежурно улыбнулась барменша необъятных размеров, обращаясь к редкому утреннему посетителю на немецком языке.

– То и другое, да побольше! – ответил Рыбин, стараясь не коверкать слова, но немецкий он знал куда хуже английского. – И еще. Мне нужен герр Штанхель. Могу я его видеть?

– Без проблем, – колыхнула жирным бюстом барменша и что-то гнусаво крикнула в сторону закрытой двери, ведущей в служебные помещения, причем из слов, произнесенных ею на этот раз, Рыбин с трудом разобрал только «доннер веттер», что в переводе на русский означало «гром и молния» и, как видно, носило местную идиоматическую окраску.

Усаживаясь за столик у окна, Рыбин думал о том, что когда-то в одной из таких пивнушек скромный немецкий ефрейтор и его товарищи по национал-социалистической рабочей партии готовили свой страшный «пивной путч», отрыгнувшийся человечеству миллионами жертв во Второй мировой войне...

Через минуту к столику, который занял Рыбин, приблизился толстый человек с глубокой залысиной на голове и маленькими, близко посаженными пороссячими глазками, утонувшими под сенью мохнатых бровей, витиевато спускавшихся вниз. В руках он держал поднос с двумя огромными кружками пива и большущим блюдом с двойной порцией баварских сосисок и целой копной тушеной капусты.

– Вы спрашивали герра Штанхеля? Это я. Чем могу служить? – прежде чем переставить на столик содержимое подноса, сообщил толстяк.

– Вы говорите по-русски? – спросил его Рыбин. – Я от господина Сергеева. Он должен был оставить у вас кое-какие свои записки... Они сохранились?

Рыбин заметил, что после этих слов у владельца ресторанчика почему-то затряслись руки. Кое-как расставив кружки и блюдо на столе, он быстро заговорил уже по-русски:

– Мне радость приветствовать друг господин Сергеев в моем скромном заведении! Для друг господин Сергеев у нас все бесплатно... Все за счет заведения! Прошу несколько ждать... Айн момент! Я принесу то, что вам нужно...

Рыбин проследил взглядом за быстрыми шагами хозяина ресторана, временами переходящими в бег, при этом он кому-то лихорадочно названивал по сотовому. Все это было настолько подозрительно, что даже человек менее опытный в делах разведки, чем Рыбин, который четверть века отрубил в Главном разведывательном управлении Генштаба Министерства обороны и уволился в запас в звании полковника, сразу бы заподозрил что-то неладное. Насторожился и Рыбин. Быстро, но аккуратно завернув сосиски в салфетку, он сунул их в карман и, не притронувшись к пиву, быстро покинул опасное место.

Правда, ушел он не слишком далеко, остановившись за углом здания, находившегося напротив пивного ресторана с вывеской, на которой изображалась туша клыкастого кабана на вертеле.

Наблюдая за входом в пивное заведение, Рыбин неторопливо жевал сосиски и думал о том, кому столь поспешно мог звонить жирный ресторатор? Ответ на этот вопрос Владимир получил ровно через пять минут, когда под ресторанной вывеской тормознул черный «мерседес» и из его чрева вылезли два бритоголовых бугая в кожаных безрукавках, надетых прямо на голое тело. Тут же на улицу выскочил запыхавшийся герр Штанхель и, заламывая руки, словно истеричная дамочка, принялся в чем-то оправдываться перед бугаями, но те и слушать его не

стали. Один из них нанес короткий и резкий удар толстяку в живот, отчего тот перегнулся пополам (Рыбин, имевший разряд кандидата в мастера спорта по боксу, сразу оценил его как хук правой). Второй вульгарным толчком ноги пониже спины окончательно сбил ресторатора с ног, после чего немного попинал его носком ботинка в лицо. При этом на физиономиях нападавших не отразилось никаких чувств, будто они были и не людьми вовсе, а биороботами, запрограммированными на зло.

Наблюдать дальнейшую экзекуцию не имело смысла, поэтому Рыбин постарался поскорее исчезнуть из этого района города, и в этом ему помог «форд», который он арендовал заблаговременно, находясь в Москве.

Неторопливо колеся по улицам Мюнхена, Рыбин вспоминал то, что произошло до его визита в Баварию, самое начало всей этой истории, которая все больше и больше захватывала его своими непредсказуемыми поворотами сюжета...

Около месяца назад он провожал в очередную зарубежную командировку своего большого друга и учителя в области литературного творчества – известного писателя Юлиана Сергеева.

– Ты что-нибудь слышал о немецком городке Ордруф? – спросил Сергеев, перед тем как выбраться из малиновой «десятки» Рыбина в международном аэропорту «Шереметьево-2». – Нет? Значит, скоро услышишь... Я должен поставить точку в важном расследовании по одному очень серьезному материалу, который ляжет в основу моего нового романа. И тогда... Поверь чутью старого газетного волка – грядет сенсация! Это будет почище всех моих «Нескольких мгновений» и «Версий»...

И это были последние слова, которые услышал от Сергеева Рыбин. Через полторы недели пришло известие о скоропостижной кончине писателя...

«Ордруф... – размышлял Рыбин, выезжая из города на автобан, ведущий в сторону австрийской границы. – Интересно, почему Юлиан оставил некоторые из своих материалов именно в Мюнхене? Ордруф находится в Тюрингии, неподалеку от Веймара, а это в другой стороне. Хотя в списке Сергеева указаны и совсем уж далекие от Тюрингии места, такие как Зальцбург, Вена, австрийские Альпы, курорты Швейцарии... И что такого особенного он мог разыскивать в тех местах? Но все эти адреса имеются в списке...»

«Список Сергеева» Рыбин получил через полторы недели после известия о кончине Юлиана, и находился он в письме, которое пришло на домашний адрес Владимира. Потому-то и назвал его Рыбин «посланием с того света».

В том послании Сергеев вводил своего «зама по творческим вопросам» в суть дела, которым он занимался в последнее время. Но вся эта информация была достаточно иносказательна, зашифрована, и ключ к этому шифру предстояло подобрать Рыбину в ходе собственного расследования обстоятельств смерти Юлиана. А в последней фразе письма таилось прямое предупреждение: «Только осторожность помогла выжить Одиссею в его скитаниях!» Так там было написано. Поначалу Рыбин не придавал особого значения этим словам, но теперь, после мюнхенской пивнушки, он стал осмотрительнее.

Сейчас путь его лежал в столицу Австрии Вену. Там должна была состояться важная встреча с зарубежным издателем книг Сергеева. Не исключено, что тот пожелает профинансировать и издание книги, в которой будет рассказано о последнем расследовании известного русского писателя, стоившем, судя по всему, ему жизни.

* * *

Понятие «гражданка» снова вернулось к полковнику Рыбину месяцев пять-шесть назад. Ему все еще часто вспоминались «пышные проводы из армии», организованные его начальством и сослуживцами по ГРУ. Тогда ему подарили СВЧ-печь и пожелали: «Не бояться граж-

данской жизни, а постараться поскорее найти свое место в ней». Что Владимир и сделал, «погрузившись по самую макушку в литературное творчество». Честно говоря, ему давно хотелось заняться сочинительством на досуге, да вот только этого самого досуга у военного разведчика было маловато. А еще он увлекался военной историей, выписывая и читая издания, представленные в каталогах по интересующей его теме. И вот теперь Рыбин был настолько свободен от служебных забот и обязанностей, что мог позволить себе «сочетать полезное с приятным», как сам заявил об этом жене Марине, с которой прожил добрых пятнадцать лет.

Сочинить авантюрный роман на тему из русской военной истории двенадцатого столетия Рыбина надоумил его близкий друг Виктор Колесов, профессионально занимавшийся архивным делом и проработавший много лет в журнале «Советские архивы». Он-то и посоветовал «копнуть времена междоусобиц, порожденных борьбой за Великое Киевское княжение, когда схлестнулись между собой княжеские кланы Мономашичей и Ольговичей».

– Ты слышал о боярском семействе Шимоновичей? – как-то спросил Колесов у Рыбина.

– Впервые слышу, – ответил тот.

– А ведь в роду этого «барина-боярина», как утверждает древний летописный источник под названием «Патерик», в шестидесятых – семидесятых годах одиннадцатого века насчитывалось до трех тысяч человек. Тебя ведь интересует этот исторический период? Значит, про Шимоновичей ты должен знать...

– И что же я про них должен знать? – осведомился Владимир, ожидая от своего друга очередной сногсшибательной истории, и не ошибся.

– У меня в свое время в журнале «Советские архивы» была напечатана статья о Киево-Печерском патерике, в которой упоминалось следующее: «По летех же мнозех седе Георгий Владимировичь во Киеве, тысяцькому же своему Георгиеви, яко отцу, предасть область Суждальскую». А в редакции «Патерика» от Иосифа Тризны прибавлено: «...в лето 6658», то есть в 1150 году по новому летоисчислению.

В который раз я подивился уникальной памяти друга, который без особого труда мог цитировать древние летописи на старославянском языке.

– Очень богат и знатен был род Шимоновичей, – продолжал свой рассказ Колесов, теребя щеточку седых усов над верхней губой. – Оставил он о себе память в интереснейшей науке топонимике. И уже в современной России мы находим на картах такие названия населенных пунктов, как Большое и Малое Шимоново, что в Александровском районе Владимирской области, а также село Шимониха, которое находилось по дороге из Ростова в Суздаль в девятнадцатом веке. В настоящее время остался еще один населенный пункт Шимоново, который расположен неподалеку от Можайска...

– Постой, не так быстро, – остановил Рыбин увлекшегося Колесова, забывшего, что он находится не на преподавательской кафедре института, в котором работал последние годы. – Насколько я понял из цитаты, ты говоришь о времени княжения Юрия, которого его современники чаще называли Долгая Рука?

– Правильно, – кивнул Колесов. – Георгий Шимонович был тысяцким у Юрия Долгорукого, которого считают основателем Москвы только потому, что он когда-то собственноручно прикончил боярина Кучку, владевшего красивым селом, находившимся по обеим сторонам Москвы-реки. А убил он его за жену-красавицу, спрятанную мужем от князя, раскатавшего на нее похотливые губы...

– Ну, это история известная, – заметил Рыбин. – К тому же основателем Москвы князя Юрия, или Гюрги, как говорили в древности, считают не столько из-за убийства Кучки, сколько за то, что в Москве он организовал встречу с другими князьями, чтобы составить коалицию против Изяслава Мстиславича, захватившего тогда престол в стольном граде Киеве. Этим мы, пожалуй, никого не удивим...

– А то, что некий подручный тысяцкого Шимоновича по имени Василий, который должен был отвезти Киево-Печерскому монастырю драгоценный дар в виде «большой казны», состоявшей из золотых украшений, серебряных гривен и церковной утвари, так и не довез его до получателя, хотя и «целовал крест» на то перед своим начальником Георгием Шимоновичем, – это тебе интересно? И какая интрига закрутилась после того, как тысяцкий проведал о краже и, бросив все, кинулся искать похитителя?..

– С этого места, пожалуйста, поподробнее! – попросил Рыбин.

– А поймал он этого вора именно в своей собственной вотчине Шимоново, что под Можайском, и там же провел тщательное дознание об этом деле...

Противостояние княжеских кланов Мономашичей и Ольговичей в средневековой Руси, как показалось новоявленному прозаику, могло стать захватывающей основой для его первого приключенческого романа.

Пробные главы, написанные Рыбиным, Колесов показал своему приятелю – известному писателю Юлиану Сергееву, который для начала раскритиковал стиль и язык начинающего романиста в пух и прах, а потом дал несколько дельных советов, касавшихся правильной расстановки акцентов в построении интриги будущего произведения.

Одна встреча за другой – постепенно вспыльчивый Сергеев стал более сдержан в оценках творчества Рыбина и даже предложил ему посодействовать в издании первой книги в солидном коммерческом издательстве. Рыбин уже находился в предвкушении тех ощущений, которые знакомы только начинающему литератору, держащему в руках сигнальный экземпляр своей первой книги, но... В связи с безвременной кончиной Сергеева о распрях между Мономашичами и Ольговичами пришлось на время забыть, вплотную занявшись расследованием гибели литературного мэтра и друга, каковым Сергеев успел стать для Рыбина. А толчком к принятию решения самому заняться расследованием послужило письмо, полученное уже после известия о смерти Сергеева, то самое, которое Владимир и назвал «посланием с того света». Именно в нем и находился перечень адресов, имен и фамилий людей разных национальностей, которых Юлиан почему-то обозначил как «представителей семейств Мономашичей и Ольговичей»... Это был своеобразный шифр, ключом к разгадке которого, как сразу догадался Рыбин, были его собственные историко-литературные наработки.

Письмо «с того света» было следующего содержания: «Дорогой друг! Вспомни о судьбе боярина Кучки. Меня, как видно, ждет нечто подобное. Прошу об одном – постарайся довести мой “Киево-Печерский патерик” до последней строчки. И помни, только осторожность помогла выжить Одиссею в его скитаниях! Прости-прощай!..» Далее шел список из девяти имен и адресов, пять из которых стояли слева под заголовком «Мономашичи», а четыре справа – под «Ольговичи».

Рыбин решил начать расследование с посещения пивного ресторана в Мюнхене, адрес и фамилия владельца которого стояли сразу под «Ольговичами», только из-за того, что туда ежедневно отправлялся из Москвы рейс Аэрофлота.

Билет на самолет до Мюнхена Владимир заказал по телефону с доставкой на дом, а затем отправился в московское представительство одной зарубежной фирмы, которая специализировалась на сдаче в аренду автомобилей на территории стран Евросоюза, где и взял на прокат автомобиль «форд» на срок «семь дней и более».

Оказавшись в Мюнхене, он сразу же отправился в офис с табличкой «Rent-a-Car», а потом, уже управляя новеньким «фордом», наведаясь в пивной ресторан герра Штанхеля, в котором чуть было не попал «под раздачу»... Все это значило только одно: адреса в «списке Сергеева», значившиеся под заголовком «Ольговичи», были особо опасны.

«Форд» с Рыбиным за рулем мчался в сторону границы с Австрией. До первого австрийского городка Зальцбург было, как значилось в путеводителе, 150 километров. Там Владимир намеревался перекусить, заправить машину, а также оплатить проезд по дорогам страны, что

должно было ему обойтись не более чем в 50 евро. Оттуда до Вены было еще 300 километров. Так что часам к пяти пополудни Рыбин собирался «с шиком» въехать в столицу Австрии и успеть условиться о встрече с главой издательской фирмы, с которой издавна имел договорные отношения Юлиан Сергеев.

* * *

Владельца книжного издательства звали Пьер Лаффорт, и местом встречи, назначенным Владимиру Рыбину, стал ресторан национальных кухонь, носивший название «Зельден», расположенный на Лихтенштейн-штрассе.

Ровно в семь часов вечера по местному времени Рыбин уже сидел за столиком в отдельном кабинете, куда его любезно проводил метрдотель, предварительно выяснив его фамилию, и ждал «мсье Пьера», который, как ему пояснили, владел не только издательством, но и целой сетью ресторанов в ряде европейских городов.

Лаффорт – человек средних лет и невысокого роста, чересчур порывистый в движениях – задержался минут на пятнадцать. Как только он появился в кабинете, заиграла негромкая музыка, в которой Рыбин не без удивления признал вариации на тему «казачка». Вслед за хозяином один за другим вошли пятеро официантов, принесших самые разнообразные закуски и напитки. Быстро, но без суеты все кушанья были расставлены на столе, затем официанты, по мановению хозяйской руки, исчезли за дверью.

– Будем говорить на русском, ведь это язык моих предков, – высокопарно произнес Лаффорт, жестом приглашая гостя приступить к трапезе, и добавил: – Все деловые разговоры отложим до тех пор, пока от этих вкусностей не останется и следа. Отлично! Сегодня у нас блюда французской кухни. Швейцария – это родина нашего «отца-основателя» Франца Лефорта.

– Того самого? – подивился Рыбин, самостоятельно накладывая на свою тарелку единственное блюдо, которое знал, и это был салат «оливье». Кстати, в Европе он называется «русский салат». Остальные кушанья, памятуя о знаменитых «лягушачьих лапках», он не осмелился даже попробовать.

– Разумеется! Насколько мне известно, в Москве имеется район Лефортово. Он назван в честь отца-основателя нашего рода. После вашей революции мой дедушка, царствие ему небесное, переселился во Францию. Его звали Петр Лефорт. Меня же зовут Пьер Лаффорт, и всё из-за того, что единственная дочь Лефорта вышла замуж за Шарля Лаффорта – моего отца. Здесь, в Вене, я работаю. А во Францию перемещаюсь, когда хочу отдохнуть... Хотя отдохнуть я мог бы и здесь. Например, на том же лыжном курорте в Зельдене, где находится один из моих ресторанов... Но в Зельдене я работаю, как и в Вене, и во многих других местах... Отдыхаю же только во Франции!..

Говоря все это, мсье Пьер успевал одновременно поглощать пищу в больших количествах, как будто не ел до этого несколько дней, и потому речь его была отрывистой, а некоторые слова он проглатывал вместе со «вкусностями», но смысл сказанного им Владимир улавливал без особого труда.

Когда оба едока, как выразился Лаффорт, «несколько заморили червячка», Рыбину было предложено перейти в «комнату для переговоров», где можно было, развалившись в креслах, курить дорогие сигары и пить пиво.

– Выражаю свое искреннее сочувствие в связи со смертью нашего общего друга господина Сергеева, – произнес Лаффорт, скрыв выражение своего лица за плотным клубом сигарного дыма. – Мы с господином Сергеевым хорошо работали. У меня было эксклюзивное право на издание некоторых его книг на французском и немецком языках. И они имели колоссальный успех. Да, именно так! Особенно его книги стали пользоваться спросом после выхода на телевизионные экраны сериала «Мгновения». Могу заметить, что на улицах Берлина во время

демонстрации этого сериала было мало прохожих. Все смотрели фильм. Это я знаю доподлинно, поскольку сам находился в то время в Германии.

Затем мсье Пьер резко перевел разговор на политические темы.

– На недавней пресс-конференции меня спросил один французский журналист-пройдоха: «Что вы думаете о современной России? Не кажется ли вам, что эта Россия – прямая наследница России самодержавной, варварской, закрытой от нас, где человеческая жизнь ничего не стоит?» На это я напомнил прохвосту, что Россия за всю свою тысячелетнюю историю не знала религиозной резни, подобной Варфоломеевской ночи во Франции. Потом я дословно процитировал отрывки из книги английского мыслителя Томаса Карлейля, жившего и творившего в первой половине девятнадцатого столетия, посвященные Великой французской революции: «Затоплялись барки, чьи трюмы были набиты не принявшими новых порядков (свобода, равенство, братство) священниками. Но зачем жертвовать барками? Не проще ли сталкивать в воду со связанными руками и осыпать пулями и ядрами все пространство реки, пока последний из барахтавшихся не пойдет на дно... И маленькие дети были брошены туда, несмотря на мольбы матерей. “Это волчата – рода Марата, – из них вырастут волки”. Берут мужчин и женщин, связанных вместе за руки и за ноги, и бросают в воду. Это называется “республиканская свадьба”... В Медоне существовала кожевенная мастерская для выделки человеческих кож; из кожи тех гильотинированных, которых находили достойными обдиранья, выделывались изумительно красивые изделия...» И французы с такой отягощенной наследственностью могут обвинять русских в варварстве? Нонсенс! И знаете, что мне ответил тот журналиста? Ха! Он сказал, что мыслитель Томас Карлейль был англичанином и потому мыслит как англичанин, значит, ему нельзя верить. Вот так!..

Рыбин только-только начал формулировать свой ответ книгоиздателю, собираясь сказать, что зверства русских наследников Робеспьера и Марата в первой трети двадцатого столетия мало чем отличались от «республиканских свадеб» французов, но тот снова резко «перевел стрелки» разговора на другую тему.

– Значит, вы собираетесь предпринять свое собственное расследование таинственных причин смерти нашего общего друга? Такой поворот сюжета меня вполне устраивает. Держайте! Как говорил мой дедушка: «Бог в помощь!» Именно так, а не иначе. Готов даже в какой-то мере финансировать ваш достойный проект. Ищите, пишите и давайте все мне. Аванс для вас составит... – мсье Пьер на минутку задумался, потом, достав мобильный телефон, сделал на нем какие-то подсчеты, как на электронном калькуляторе, и только потом продолжил: — ...Это будут не наличные! Я переведу деньги на вот эту банковскую карточку. Без проблем! Сразу, как только получу от вас подробный синопсис и первые три главы книги... По рукам?

Вместо прощального рукопожатия Лафпорт сунул Рыбину пластиковую карту и куда-то заспешил.

– Пока, пока, – сказал он, исчезая за дверью.

Только теперь Рыбин собрался с мыслями и осознал, что на финансовую поддержку мсье Пьера в организации собственного расследования, на которую он очень рассчитывал, надеяться больше нечего. «Да, дружба дружбой, а табачок врозь! – подумалось Рыбину. – Непростой человек этот потомок Лефорта. Придется довольствоваться своими более чем скромными средствами».

* * *

Деревенька Кирхберг, что в австрийских Альпах, значилась в «списке Сергеева» под номером первым в левом ряду, обозначенным как «Мономашичи». Там же была указана фамилия Реслер, имя Беджамен и в скобках приписано: «Чертова мельница».

На Чертову мельницу Рыбин и решил отправиться на следующее утро. Туда он сумел добраться только к концу дня. Мельница оказалась водяной, а ее главной достопримечательностью был музей, названный в путеводителе «Музеем крестьянского быта и нечистой силы». Последнее, по-видимому, должно было особенно привлекать туда туристов. И действительно, когда Владимир подъехал к мельнице, то увидел целую толпу праздных людей, беспрестанно щелкавших своими фотоаппаратами, наводя их на местные природные красоты и на само мельничное строение, возле которого многие норовили запечатлеться на долгую память. Но вот все они окружили молодую черноглазую длинноногую «ведьмочку»-экскурсовода и под ее предводительством прошептались в музейные помещения.

Рыбин поспешил присоединиться к этой группе туристов, большинство из которых оказались американцами.

Экспозиция музея начиналась с большой цветной фотографии улыбающегося бородача без двух передних зубов, одетого в тирольскую шляпу и непромокаемую куртку. «Настоящий водяной!» – посмотрев на фото, подумал Рыбин.

А «ведьмочка» между тем повела свой рассказ на довольно сносном английском языке, которым Владимир владел неплохо.

– Это мой дорогой папа Беджамен Реслер, – произнесла она со слезой в голосе. – Он создал здесь музей, а до этого перевез сюда эту мельницу из отдаленного района. В музее он собрал разную деревенскую утварь, о которой современный горожанин даже понятия не имеет. Сразу скажу, что после экскурсии каждый из вас получит бесплатный батон душистого хлеба, только что испеченного из муки свежего помола. Пройдемте дальше! В этом помещении вы видите старинные изделия различных ремесел, а также амулеты, способные охранить своего владельца от колдовства, сглаза и порчи. Хорошо известно, что люди прошлых веков верили в разную чертовщину и очень опасались колдунов и черных магов... А здесь вы видите портрет знаменитой Анны Гельдн, обвиненной в колдовстве и сожженной на площади в 1782 году. Она была повивальной бабкой и, по мнению некоторых ее клиенток, дурно воздействовала на новорожденных... Это была последняя казнь такого рода в Швейцарии.

Вообще-то, я давно занимаюсь изучением истоков всех этих верований в нечистую силу, – продолжала дочь хозяина мельницы. – И пришла к выводу, что все началось еще с допотопных времен, когда жили представители великой четвертой расы, которых различные источники называют одинаково – атлантами. Это был «золотой век», когда «боги ходили по Земле и свободно общались со смертными». Атланты были многочисленны, и эволюция их продолжалась миллионы лет. Не все среди них были плохими, но они стали таковыми к концу своего цикла, так же как и мы теперь, люди пятой расы, все больше и больше впадающие во зло. Таким образом, первые атланты, рожденные на материке Лемурия, разделились, начиная от своих самых ранних племен, на праведных и неправедных...

«Куда это занесло дочку водяного, в какие дебри? – подумалось Рыбину. – Похоже, она слишком увлекается оккультными тайнами. Впрочем, для ведьмы это простительно. Но самое интересное, что прагматичные американцы слушают ее разинув рты...»

– ... Именно в те незапамятные времена произошло разделение Единого на Добро и Зло. И сделали это атланты, с тех пор слово «атлант» в верованиях нашего народа стало синонимом понятия «колдун». Автор научного труда «Атлантида» Доннелли пишет, что многие легенды Центральной Америки повествуют о деяниях древней расы великанов, называемых индейцами Куинам. Это и есть атланты – знатоки белой и черной магии...

Еще битый час дочь водяного водила туристов по музею, рассказывая о том, что «никакого Сатаны на самом деле не существует, а есть лишь понятия Добра и Зла, исходящие изначально из древнейших тайн бытия». Рыбин собрался было ей возразить, приведя мнение отцов христианской церкви о том, что «Сатана – великий обманщик. Он делает все, чтобы доказать

нам, грешникам, что на самом деле его не существует», но в последний момент передумал, боясь длинной отповеди со стороны современной «ведьмы».

– Лучше всех описал лемуру-атлантов или великанов ученый Крейцер. Он указывает: «Эти дети Неба и Земли при рождении были одарены Высшими Силами, создателями их сущности, необыкновенными способностями, как моральными, так и физическими. Они приказывали Стихиям, знали тайны Неба и Земли, морей и всего мира и прозревали будущее в звездах... Действительно, когда читаем о них, кажется, будто мы имеем дело не с людьми такими, как мы, но с Духами Стихий, возникшими из лона Природы и имевшими всякую власть над нею. Все эти существа отмечены печатью магии и колдовства!» – завершила свои разглагольствования современная ведьма.

Когда же туристы отбыли восвояси и Рыбин задал ей только один вопрос: «Можно ли побеседовать с самим герром Реслером?», то услышал неутешительный ответ: «Папы больше нет на этом свете. Он покинул нас месяц назад...» Сказав это, «ведьмочка» не смогла сдержаться и разрыдалась, превратившись в самую обыкновенную девушку, для которой потеря отца стала незаживающей раной и неизлечимой болью.

– А меня направил к нему наш общий друг – русский писатель Юлиан Сергеев... – растерянно сказал Рыбин.

Утешая Берту (а именно так звали наследницу герра Реслера), Рыбин сам не заметил, как очутился у нее дома, в уютном двухэтажном особнячке, стоявшем недалеко от мельницы, на самом краю деревни, где девушка жила теперь одна в окружении целого выводка сиамских котов.

– Это был несчастный случай, – пояснила Берта, немного успокоившись. – По крайней мере так мне сообщили полицейские, проводившие расследование причин смерти отца. Он случайно оступился и упал с лестницы на мельнице. Лестница там такая крутая!.. Да, это был несчастный случай... Садитесь вон в то кресло, я угощу вас чаем.

– Нет, благодарю! Берта, у вашего отца хранились кое-какие документы, оставленные Сергеевым. Вы ничего о них не знаете?.. – осведомился Рыбин, присаживаясь в кресло.

– Папа очень ценил дружбу с господином Сергеевым и часто мне про него рассказывал. Однажды мы даже побывали в Москве и я познакомилась с его двумя дочерьми и супругой... Сам себя Сергеев иногда называл очень странно: «Мясник»! Даже не знаю почему. Может быть, таким образом он хотел подчеркнуть свою особенность, как литератора, писать о чем угодно и сколько угодно... А что касается документов, то про них папа мне ничего не говорил... – Берта сделала многозначительную паузу, которая показалась Рыбину намеком на то, что ему пора откланяться. Он даже встал с кресла, но когда услышал продолжение, то снова сел. – ...Я случайно наткнулась на папку с документами, которая была спрятана на мельнице под ларем с мукой, и это произошло уже после несчастья с папой. Я недостаточно хорошо владею русским языком, чтобы понять, о чем написано в тех документах, но то, что они написаны рукой самого господина Сергеева, в этом у меня нет сомнений. Минутку, сейчас я их принесу...

Папка черного цвета с белым квадратиком сверху, на котором было написано: «Дело № ...», оказалась не слишком объемистой. В ней находился ворох желтых страниц, явно вырванных из разных блокнотов и исписанных рукой Сергеева вдоль и поперек.

– Да, это те самые записи, о которых говорил мне Юлиан, – сказал Рыбин, неожиданно почувствовав, что ему совсем не хочется покидать этот уютный дом и его обворожительную хозяйку. – Вы, кажется, собирались угостить меня чаем? Сейчас я, пожалуй, не отказался бы...

– Очень хорошо! – проговорила Берта, отправляясь на кухню. Перед тем как скрыться за дверью, она как бы невзначай добавила: – На улице уже темнеет... Зачем вам ехать по горной дороге ночью? Она и днем-то небезопасна... Оставайтесь ночевать здесь.

Берта отвела Рыбину маленькую комнату на втором этаже с письменным столом и большой двупальной кроватью, на которую гость поначалу никакого внимания не обратил,

поскольку ему хотелось поскорее остаться одному, чтобы хорошенько изучить записки Сергеева. К этому делу Владимир и приступил, как только Берта удалилась.

Первые же строки записей настолько заинтересовали Рыбина, что он забыл обо всем на свете, с головой погрузившись в чтение.

«Ордруф (нем. Ohrdruf) – небольшой немецкий город в Тюрингии, неподалеку от Веймара. Население около 6000 человек. История Ордруфа восходит к бенедиктинскому монастырю, который был основан здесь в 724 году от Р.Х. англо-саксонскими монахами под предводительством святого Бонифация, христианизатора немцев и фризоров...

...В 1695 году Иоганн Себастьян Бах, осиротев, переехал сюда на попечение старшего брата Иоганна Кристофа. Бах работал в церкви Св. Михаила; через пять лет, 15 марта 1700 года, он покинул город. Эта церковь пережила пожар в 1753 году и была восстановлена, но в результате бомбардировки в 1945 году она была полностью уничтожена.

...Ордруфский лагерь смерти стал первым концлагерем, освобожденным американскими войсками во время Второй мировой войны (4 апреля 1945 года). Немецкий историк Райнер Карлш рассказал мне, что Ордруф мог быть одним из двух мест, где нацисты проводили эксперименты в рамках ядерного проекта, убивая пленных под надзором крупных чинов СС, но это предположение, как он заметил, не разделяется многими другими историками...

...Секретный объект Ордруф-Ольга SIII строился в конце войны (1943–1945) силами 50 тыс. рабочих (в основном военнопленных), впоследствии уничтоженных. Трехэтажный бункер был рассчитан на долговременное пребывание 30-тысячного персонала. В боях не использовался. Часть входов была взорвана немецкими специалистами перед самым окончанием войны, часть – американскими, а затем эту работу продолжили советские саперы. До начала 1990-х годов основная часть комплекса оставалась необследованной. Аналогичную картину представляет собой ставка Гитлера под Винницей – “Вервольф”, построенная в конце 1941 – начале 1942 года».

«Похоже, Юлиана очень заинтересовала история секретного объекта Ордруф, – подумалось Рыбину. – Гитлеровцы там налаживали производство какого-то секретного оружия. Неужели Сергееву удалось раскрыть их тайны?.. Посмотрим, что он пишет об этом дальше».

«...Заметим, что стоит лишь совсем немного отклониться от официальной установки, которая гласит, что в Германии “отсутствовало достаточное количество обогащенного урана”, как начинает открываться, мягко говоря, совсем иная картина... 19 мая 1945 года в Портсмуте (Нью-Гемпшир) пришвартовалась немецкая подводная лодка U-234, которая вышла 16 апреля 1945 года из норвежского Кристиансанда (Kristiansand), с тем чтобы два дня спустя сдать американскому эсминцу у восточного побережья. На ее борту было обнаружено техническое оборудование и чертежи сверхсовременных реактивных самолетов. Там же находились технические эксперты, в том числе специалист по атомной энергии и... 560 килограммов урана в десяти обитых золотом контейнерах, которые находились в шести установках для мин! В документах значилось, что это окись урана, однако в указанном состоянии уран можно безопасно транспортировать в бумажном пакете, ибо в таком виде он находится в земле. В установках же U-234 находились обитые золотом ящики, следовательно, их содержимое испускало гамма-лучи. Это означает только одно – окись урана подверглась обогащению, а золотая обшивка должна была предохранить от воздействия радиации отсеки подводной лодки! Т. е. речь идет об обогащенном уране, которого, согласно официальной версии, в Германии в таком количестве быть ну никак не могло, по причине отсутствия действующего ядерного реактора. В этом свете весьма показательным является отсутствие в архивах США каких-либо сведений о дальнейшей судьбе U-234 и ее команды!

Но и это еще не все – выяснилось, что подводная лодка получила приказ следовать... в Японию!

Известно и еще об одной немецкой подводной лодке, которую известие об окончании войны застало буквально на полпути к Японии. Речь идет об U-401, под командованием корветтен-капитана Хаазе, которая вышла 25 марта 1945 года из немецкой военно-морской базы Вильгельмсхафен и должна была доставить в Японию исключительно важный груз: новейший совершенно секретный реактивный истребитель Me-262, который находился в разобранном виде в трюме корабля, а также ящики, в которых находилось... 56 килограммов окиси урана-235.

После долгих колебаний Хаазе принял решение всплыть на поверхность и сдаться американцам. Узнав об этом намерении командира подлодки, четыре японских офицера, находившихся на борту, покончили жизнь самоубийством...»

«Ого! Кажется, Юлиану действительно удалось узнать нечто сенсационное о создании ядерного оружия гитлеровцами. Так вот какую тайну задумал раскрыть Сергеев в своей новой книге! Припоминаю, в августе 1998 года я самолично, будучи еще действующим офицером военной разведки, занимался проверкой сообщения корреспондента ИТАР-ТАСС из Вашингтона Владимира Кикило, которому в интервью американский эксперт в области ядерного вооружения Чарльз Стоун проговорился о том, что японцы уже задолго до начала Второй мировой войны работали над созданием своей собственной атомной бомбы. Тогда мне удалось установить, что в Японию, которая бедна полезными ископаемыми, в том числе и ураном, это вещество регулярно доставлялось немцами. Когда же военное положение Германии резко ухудшилось, было принято решение продолжить его доставку на подводных транспортных судах. По утверждению Стоуна, японцы к тому времени уже накопили достаточное количество урана для того, чтобы... взорвать собственную атомную бомбу. Сергеев же об этом узнал гораздо больше! Что он еще пишет в своих отрывочных набросках для будущей книги?...»

«... Японцы провели испытание ядерного устройства в Японском море, недалеко от северного побережья Кореи. О том, что взрыв был именно ядерным, свидетельствуют рассказы очевидцев, видевших огненный шар диаметром приблизительно 1000 метров и огромное грибовидное облако. Мощность взрыва была примерно такой же, как и у американских бомб, сброшенных на Хиросиму и Нагасаки. Этому событию предшествовала усиленная научно-исследовательская работа японских ученых не столько на территории самой Японии, которая подвергалась ожесточенным бомбардировкам, сколько в огромном корейском научном центре в Хыннаме, где японцы возвели еще и секретный завод. Там-то и была произведена японская атомная бомба. Это подтвердил мне американец Теодор Макнелли, служивший в конце войны в аналитическом разведывательном центре американской армии на Тихом океане, под командованием генерала Макартура. По словам Макнелли, американская разведка располагала данными о крупном ядерном центре в корейском городе Хыннам. Она знала также о существовании в Японии циклотрона. Именно в штабе армии Макартура и было получено сообщение о первом японском испытании атомной бомбы в Корее, у побережья Японского моря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.